

2. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис / І. Р. Вихованець. – К. : Либідь, 1993. – 383 с.
3. Гуйванюк Н. В. Кореферентність синтаксичних одиниць / Н. В. Гуйванюк // Мовознавство. – 2001. – № 3. – С. 4–11.
4. Загнітко А. П. Теорія сучасного синтаксису / А. П. Загнітко. – Донецьк: ДонНУ, 2006. – 368 с.
5. Дмитрук В. І. Особливості структури буттєвих речень в українській мові / В. І. Дмитрук // Наукові записки Кіровоградського держ. пед. ун-ту. – Сер. Філологічні науки. – Кіровоград, 2000. – Вип. 30. – С. 181–187.
6. Литвиненко Н. П. Український медичний дискурс: монографія / Н. П. Литвиненко. – Х. : Харківське історико-філологічне товариство, 2009. – 304 с.
7. Лонська Л. І. Структурно-семантичні особливості буттєвих речень в українській мові: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Л. І. Лонська. – Київ, 2001. – 19 с.
8. Сушинська І. М. Функціональні різновиди буттєвих номінативних речень / І. М. Сушинська // Лінгв. студії : зб. наук. пр. – Донецьк, 1999. – Вип. 5. – С. 173–178.

УДК 811.161.1' 38' 36

Е. Л. Некрылова

Харьковский национальный экономический университет имени Семена Кузнеця

О принципиальной совместимости когнитивно-эволюционного и POSSIBILITY-подходов при изучении тенденций утраты и обретения переходности русскими глаголами

Некрылова О. Л. Про принципів сумісності когнітивно-еволюційного і POSSIBILITY-підходів при вивченні тенденцій втрати і набуття перехідності російськими дієсловами. У статті подано обґрунтування того, що вивчення тенденцій втрати і набуття перехідності російськими дієсловами має спиратись на методологічну базу, що представляє собою об'єднання когнітивно-еволюційного і POSSIBILITY-підходів. Показані когнітивно-лінгвістичні передумови такого об'єднання: принципи пояснюваності і міждисциплінарності. Розкрита сутність когнітивно-еволюційного підходу як методології еволюційної епістемології. Представлений POSSIBILITY-підхід, розроблений на базі створеної М. Н. Епштейном філософії можливого. Продемонстрована можливість об'єднання когнітивно-еволюційного і POSSIBILITY-підходів для вивчення тенденцій втрати і набуття російськими дієсловами перехідності, показані приклади об'єднаних трактувань таких тенденцій.

Ключові слова: дієслово, перехідність, когнітивно-еволюційний підхід, POSSIBILITY-підхід.

Некрылова Е. Л. О принципиальной совместимости когнитивно-эволюционного и POSSIBILITY-подходов при изучении тенденций утраты и обретения переходности русскими глаголами. В статье дается обоснование того, что изучение тенденций утраты и обретения переходности русскими глаголами должно опираться на методологическую базу, представляющую собой объединение когнитивно-эволюционного и POSSIBILITY-подходов. Показаны когнитивно-лингвистические предпосылки такого объединения: принципы объяснительности и междисциплинарности. Раскрыта сущность когнитивно-эволюционного подхода как методологии эволюционной эпистемологии. Представлен POSSIBILITY-подход, разработанный на основе созданной М. Н. Эпштейном философии возможного. Продемонстрирована возможность объединения когнитивно-эволюционного и POSSIBILITY-подходов для изучения тенденций утраты и обретения русскими глаголами переходности, и показаны примеры объединенных трактовок таких тенденций.

Ключевые слова: глагол, переходность, когнитивно-эволюционный подход, POSSIBILITY-подход.

Nekrylova O. L. On the principles of compatibility of cognitive and evolutionary and possibilist approaches in studying tendencies of lose and gain of transition by Russian verbs. The article argues that studying tendencies of lose and gain of transition by Russian verbs has to be grounded on methodological base representing unification of cognitive and evolutionary and possibilist approaches. The cognitive and linguistic preconditions of such unification have been shown, i.e. principles of explanation and interdisciplinary. The essence of cognitive and evolutionary approach as the methodology of evolutionary epistemology has been discovered. The possibilist approach elaborated on the basis of philosophy of possibility created by M. N. Epshtein has been presented. Possibility of unification of cognitive and evolutionary and possibilist approaches for studying tendencies of lose and gain by Russian verbs of transition has been demonstrated and examples of united interpretations of such tendencies have been shown.

Key words: verb, transition, cognitive and evolutionary approach, possibilist approach.

Еще в XIX веке русисты стали обращать внимание на прошлую переходность ныне непереходных глаголов. В первую очередь они отметили бывшую переходную беспостфиксность ныне возвратных и потому ставших непереходными глаголов. Так, Ф. И. Буслаев пишет, что «в старину можно было сказать:

очутить, жаловать (в смысле «жаловаться»), *намеревать, повиновать* и проч.» [1:347].

В XX веке лингвисты зафиксировали и второе направление утраты русскими глаголами переходности. В 1969 году А. М. Гильбурд не только фиксирует утрату переходности многими глаголами по причине добавления к ним постфикса *-ся*, но и замечает: «Падение удельного веса переходных глаголов в языке происходит ... и потому, что целый ряд переходных глаголов после

появления у них соотносительных пар постепенно выходит из употребления. ...высказанная мысль хорошо иллюстрируется на примере глагола «воевать», который, как известно, в древнерусском языке употреблялся с прямым дополнением (воевати землю Половецкую). Появление в языке его непереходного коррелята (воевать за Родину, воевать с врагами) привело к тому, что переходный коррелят «воевать» постепенно выходит из употребления» [2:12-13]. О постепенном увеличении количества безличных глаголов с постфиксом *-ся* пишет и В. В. Иванов [3:372].

В 2007 году М. Н. Эпштейн обратил внимание на то, что в современном русском языке непереходными являются две трети глаголов, из чего следует, что лишь третья часть русских глаголов переходны. В данной статье автор, как и его предшественники, подчеркивает, что это не изначальное состояние русской глагольной системы, поскольку несколько веков назад в русском языке было значительно больше переходных глаголов, нежели сегодня [12].

Однако само появление такой, посвященной переходности русских глаголов, статьи М. Н. Эпштейн объясняет наметившейся позитивной динамикой в сфере русской транзитивности. Ученый фиксирует «объективные тенденции к **расширению функций переходности в современном русском языке**» и в доказательство своих слов приводит достаточно большое количество примеров: *Его ушли; Сына попускаем в институт, Кто за девушку платит, тот ее и танцует; Умеешь ты меня улыбнуть; Пошел гулять собаку; Хожу ребенка; Папа, поплавай меня* [12]. Как правило, эти примеры носят стилистически сниженный, игровой характер, но история языков знает примеры «олитературивания» того, что вначале возникало как «игра с неправильностями». Об этом с присущей ему образностью пишет сам М. Н. Эпштейн: «Хотя и наивная детская речь, и сниженно-игровая взрослая представляют собой стилевые окраины языка, именно там, на периферии, прежде всего обозначаются структурные языковые сдвиги, ищущие выхода на поверхность в обход грамматической нормы» [12].

Естественным образом возникает вопрос о причинах утраты и обретения переходности русскими глаголами. Потребность в ответе на данный вопрос вписывается в потребности современной лингвистики, состояние которой характеризуется сменой парадигмы структуралистской парадигмой антропоцентрической. В рамках антропоцентризма существует когнитивная лингвистика, интересующаяся соотношением языка и когнитивных структур (логики, сознания, восприятия, внимания и т. п.). В русистике когнитивизм ведет начало с 1982 года, когда А. Е. Кибрик выдвинул знаменитые «лингвистические постулаты», отразившие

изменения, которые наметились в лингвистических исследованиях. Первый из этих постулатов, «основополагающий», – «О естественности модели» – гласит, что в лингвистике все больше утверждается требование не описания, а объяснения устройства языка: «...если лингвистика недавнего прошлого допускала лишь вопросы типа «как?» и избегала вопросов «почему?», то теперь ситуация должна коренным образом измениться: нужны именно ответы на вопросы типа «почему?», поскольку только они могут что-либо объяснить» [4:19, 25]. Согласно второму постулату – «О функциональных границах» – «все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики» [4:20], то есть данный постулат утверждает принцип междисциплинарности в лингвистических исследованиях. Реализация принципов объяснительности и междисциплинарности в поиске как причин, так и вытекающих из них закономерностей утраты и обретения переходности русскими глаголами предполагает поиск междисциплинарной, смежнонаучной методологической базы соответствующего исследования.

Целью настоящей статьи является представление принципиальной методологической совместимости двух подходов к изучению тенденций утраты и обретения переходности русскими глаголами: когнитивно-эволюционного и психобиблистического.

1. Когнитивно-эволюционный подход, в данном терминологическом виде впервые представленный современным философом И. П. Меркуловым [6; 7], является методологией такого направления философии, как эволюционная эпистемология, идеи которой, восходя к теории Ч. Дарвина, впоследствии развиваются Г. Спенсером, К. Лоренцом, А. Шимони, К. Р. Поппером, Д. Кэмпбеллом, И. П. Меркуловым. «Основной тезис эволюционной эпистемологии (или, как ее называют в германоязычных странах, эволюционной теории познания и знания) по сути дела сводится к допущению, что люди, как и другие живые существа, являются продуктом природы, продуктом естественных эволюционных процессов, и в силу этого формирование их когнитивных ... способностей и даже развитие познания и знания (включая его наиболее тонкие аспекты) направляются в конечном итоге механизмами органической эволюции» [6:15]. Из этого следует, что когнитивно-эволюционный подход следует понимать как акцентированное исследование эволюции когнитивных структур, или когниции, и аспектов человеческой деятельности, которые с этими структурами связаны, в частности осуществляемой посредством языка речевой деятельности.

В лингвистике когнитивно-эволюционный подход впервые был задействован С. Л. Поповым,

применившим его к изучению русской грамматической вариантности [8]. Однако к необходимости применения такого подхода, исповедующего исследование когнитивных и связанных с ними других человеческих, в том числе языковых, структур в их эволюции, в соответствии со своим лингвистическим статусом исследователь пришел со стороны когнитивной лингвистики, лишь затем обратив внимание на корреляцию принципов когнитивной лингвистики и эволюционной эпистемологии. Объединив сопоставимые положения когнитивной лингвистики и эволюционной эпистемологии о сопряжении когнитивных и языковых структур, автор применил в лингвистическом исследовании когнитивный принцип междисциплинарности. Важно понимать, что в идеале этот принцип предполагает не занятие непрофильными специалистами другими науками во всем многообразии их понятийных аппаратов и методов, а использование такими специалистами сведений, полученных другими науками.

Поставив перед собой (в качестве одной из проблем) задачу выявления механизма дифференциации грамматических вариантов (в русском языке), ортологическое представление которой характеризуется расхождениями со сложившимся узусом, С. Л. Попов пришел к необходимости выявить стихийный, когнитивный по своей сути механизм восприятия чего угодно, который можно применить к различению таких формально сходных явлений, как грамматические варианты (*туристская тропа* или *туристическая тропа*, *чашка чаю* или *чашка чая*, *несколько человек пришло* или *несколько человек пришли*, *мой отец с матерью* или *мои отец с матерью*, *он был слесарь* или *он был слесарем*, *ждать поезд* или *ждать поезда* – лишь незначительная часть вариантов, описываемых в ортологической литературе). Потребность выявления такого механизма восприятия обусловила междисциплинарное обращение С. Л. Попова к сведениям когнитивной психологии, что полностью соответствует принципам не только когнитивной лингвистики, но и примененного автором когнитивно-эволюционного подхода: как пишет И. П. Меркулов, «своим возникновением эволюционная эпистемология обязана в первую очередь дарвинизму и последующим успехам эволюционной биологии, генетики человека, социобиологии, когнитивной психологии и теории информации» [6:15]. Именно когнитивная психология в числе прочего занимается изучением такой когнитивной структуры, как восприятие, что и обусловило обращение С. Л. Попова к соответствующим когнитивнопсихологическим сведениям, в частности сведениям гештальт-, онто- и этнопсихологии, которые автор подкрепил данными других «наук о человеке», в частности логики, различных направлений физиологии и самой лингвистики.

Обратившись к данным указанных наук, С. Л. Попов выяснил, что распространенное ранее понимание восприятия как среднего звена между ощущением и представлением [Кондаков:92-93, 429, 475] является устаревшим. В когнитивной психологии главной функцией восприятия обоснованно считается категоризация, которая обеспечивает логичность вывода, и такая логичность может быть абсолютной и относительной: «...дом падает потому, что не воспринят плывун в месте его строительства; ребенок верит в Деда Мороза потому, что, во всем доверяя родителям, не воспринимает другую причину появления подарка под елкой; Солнце вращается вокруг Земли, при этом *восходя, поднимаясь, достигая зенита, садясь и заходя*, потому, что именно такое его движение подтверждается простым зрительным восприятием. Из этого следует, что причину относительной или абсолютной логичности мышления следует искать в особенностях когнитивной структуры, поставляющей исходные данные оперирующему силлогизмами строю мышления. Такой структурой может быть только восприятие» [8:100]. Практика показывает, что, как правило, пловуны перед строительством домов выявляются, с определенного возраста дети осознают, что Дед Мороз в реальности не существует, а человечество научилось понимать, что Земля вращается вокруг своей оси, из-за чего и кажется, что Солнце перемещается с востока на запад, – то есть в целом наблюдается эволюция человеческого восприятия. Обнаруженные зависимости С. Л. Попова соотнес с грамматикой и изобразил синтезированную таким образом схему в виде когнитивно-эволюционного алгоритма: «Зависимость логичности грамматики от логичности мышления и зависимость логичности мышления от особенностей восприятия можно представить в виде постоянно действующего когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики», функционирование которого можно признать основным принципом когнитивно-лингвистической эволюции» [8:101]. Из содержания зафиксированного С. Л. Поповым алгоритма следует, что разное качество логичности мышления и как следствие грамматики обуславливается разным качеством восприятия, из чего в свою очередь делается вывод, что восприятие имеет разные степени. Эти степени автор рассматривает на примерах логической и грамматической эволюции детей, первобытных людей и современных цивилизованных взрослых.

Опираясь на данные гештальт-, онто- и этнопсихологии, а также на сведения других антропонаук, прежде всего логики, психолингвистики, нейрофизиологии и нейролингвистики, С. Л. Попов выделяет три степени восприятия: 1) синкретичное восприятие, то есть восприятие недифференцированное, целостное, гештальтное, не позволяющее

дифференцировать признаки и, следовательно, в принципе категоризировать познаваемое; 2) поверхностное восприятие, то есть восприятие лишь одного из наличествующих, ближайшего, «лежащего на поверхности» (отсюда номинация термина) признака, по которому и происходит категоризация, часто ошибочная; 3) альтернативное восприятие, то есть восприятие всех эмпирически достоверных признаков, благодаря чему может быть выбран признак, категоризация по которому корректна, в одной из двух перцептивных разновидностей: это альтернативно-императивное восприятие, императивно предпочитающее один признак и отвергающее другой, и альтернативно-диспозитивное восприятие, фиксирующее признаки как закономерно сосуществующие (подробнее о степенях восприятия см. [9:5-105]).

Имеется лишь одна схема, с которой концептуально соотносима зафиксированная С. Л. Поповым схема перцептивной эволюции. То, что ученый понимает под тремя степенями восприятия, соотносится с тем, что А. Д. Кошелев, предлагая схему умственного (читай – логического, но не обуславливающего качество логики развития перцептивного) развития, предлагает называть соответственно «гомогенным образом», «структурой» и «системой» [5]. «Гомогенный образ», несомненно, синкретичен (является итогом синкретичного восприятия). «Структурой» А. Д. Кошелев считает «продукт неполной дифференциации образа: в прежде гомогенном образе происходит выделение (но не полное разделение) частей» [5:60], – такое неполное разделение частей является следствием описанного С. Л. Поповым поверхностного восприятия. «Система» представляется А. Д. Кошелевым как «полностью дифференцированная структура»: «ее части становятся самостоятельными образами» [5:60], – что, согласно перцептивной иерархии, предложенной С. Л. Поповым, является результатом альтернативного восприятия.

Очевидно, что С. Л. Попов обнаружил описания явлений, которые можно было соотнести с тремя показанными им степенями восприятия, но, зафиксировав эти степени и дав им названия, автор вышел за пределы лингвистики. В психологической и другой антропологической литературе нет терминов, примененных С. Л. Поповым для обозначения степеней восприятия. В этой литературе нет понятия степеней восприятия, поскольку любая когнитивная эволюция рассматривается более упрощенно: как диахроническая дихотомия постепенного продвижения познания от недифференцированности к дифференцированности [10], которые, несомненно, коррелируют лишь с двумя из трех показанных С. Л. Поповым понятий: понятиями синкретичного и альтернативного восприятий. Описания ориентации на ближайшие признаки у психологов имеются, но в обобщающих схемах развития как особый, средний, этап эволюции восприятия они не представлены.

Единственным исключением является показанная выше схема умственного развития, предложенная, что характерно, тоже не психологом – А. Д. Кошелевым, где обозначенное термином «структура», под которой понимается «продукт неполной дифференциации образа», среднее звено имеется. Следовательно, С. Л. Попов не только создал термины для номинации степеней восприятия, но и ввел новое, прежде всего психологическое, понятие поверхностного восприятия. Такое «зарамочное» действие было обусловлено важной потребностью проводимого им исследования: необходимостью обозначения части когниции, имеющей решающее значение для когнитивного объяснения как моментов грамматической эволюции, особенно заметной в сфере синтаксического согласования [9], так и природы кодификаторской субъективности при дифференциации грамматических вариантов. Выйдя за пределы лингвистики, С. Л. Попов ввел понятие, без использования которого не могло быть осуществлено намеченное им лингвистическое исследование. С точки зрения разработанного в эволюционной эпистемологии когнитивно-эволюционного подхода, С. Л. Попов не только применил данный подход, но и углубил его введением понятий степеней восприятия, одно из которых оказалось новым. Очевидно, это пример вполне оправданного выхода исследователя за пределы своей науки.

Если, как показано выше, когнитивно-эволюционный подход, предусматривающий исследование степеней восприятия языковых фактов, следует понимать как исследование эволюции когниции и связанных с ней аспектов человеческой деятельности, а тесно связанным с когницией аспектом человеческой деятельности в числе прочих является осуществляемая посредством естественного языка речевая деятельность, то для реализации цели проводимого нами исследования остается дедуктивно признать, что органической частью естественного языка является глагольное свойство переходности-непереходности, утрата и обретение которого тоже могут быть обусловлены влиянием таких успешно или неуспешно эволюционирующих характеристик когнитивных структур носителей языка, как степени восприятия, в данном случае – восприятия коммуникативной потребности в переходности русских глаголов.

2. С когнитивно-эволюционным подходом органично сочетается POSSIBILISM – разрабатываемая М. Н. Эпштейном «философия возможного». В 2001 году, после восьми лет редактирования и года типографской подготовки к печати, М. Н. Эпштейн, впервые выступив как опубликовавший программный труд философ, издал монографию «Философия возможного», в которой обосновал концепцию, суть которой сводится к следующему: «Модальности сущего, возможного, необходимого лежат в основе

мышления и языка. Книга впервые систематически исследует значение модальностей для философии и всего комплекса гуманитарных дисциплин. От изъяснительного наклонения докантовской мысли – через повелительное наклонение посткантовского критицизма и активизма – философия ныне входит в третью эпоху: мышление в сослагательном наклонении. <...> Цель книги – обоснование пессимизма как новой методологии гуманитарных наук» [14:2]. То есть в философской концепции М. Н. Эпштейна весьма эксплицитна магистральная линия развития философии: от сущего к необходимому и от необходимого к возможному. Модальность возможности автор представляет наиболее важной из трех. Если в реальных стихийных процессах познания и параллельного развития языка модальность возможности выступает равной среди сосуществующих с ней модальностей сущего и необходимого, то в философии и в любой другой науке, использующей философию как научную методологию, М. Н. Эпштейн призывает обращать внимание прежде всего на возможности. В монографии 2016 года «От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир» М. Н. Эпштейн с сожалением пишет о том, что гуманитарные науки «изучают человека и все области культурной деятельности, но при этом сами остаются пассивными, поскольку у них нет своих технологий. Они изучают творчество, но сами ничего не творят. Изучая языки, лингвистика не правомочна предложить какие-то изменения в их лексико-грамматических системах. Изучая литературу, литературоведение не ставит задачей повлиять на ее развитие. Философия спорит о первопринципах и универсалиях существующего мира, но не предлагает новых принципов для построения альтернативных миров» [13:6]. Еще в 1984 году М. Н. Эпштейн начал большой, рассчитанный на много лет проект «Книга книг. Словарь альтернативного мышления», «где потенцируются понятийные ряды, модели смыслообразования и «виртуальные книги» разных гуманитарных дисциплин» [11:16].

Применительно к лингвистике данная теория обоснованно каузирует толерантное отношение кодификации к изменениям языковой нормы, когда такие изменения являются коммуникативно востребованными, прежде всего заполняют имеющиеся в грамматике лакуны. С 2000 года М. Н. Эпштейн реализует проект «Дар слова», который «представляет собой опыт потенциации словообразовательных моделей русского языка и освоение новых полей лексических возможностей, в перспективе – создание на основе русской лексики и грамматики «потенциального (метарусского) языка», по отношению к которому существующий русский язык был бы одной из актуализаций» [11:16]. Некоторые аспекты реализации данного проекта освещены в статьях

М. Н. Эпштейна, одной из которых является статья, посвященная переходности русских глаголов ([12]).

Остается констатировать, что философия возможного, или пессимизм, органично коррелирует с представленным выше когнитивно-эволюционным подходом: альтернативное восприятие как высшая – нормативная – степень восприятия, обеспечивающая абсолютную логичность мышления и языка, с философской точки зрения есть не что иное, как альтернативное восприятие возможностей, поскольку возможности и есть альтернативы.

3. Органичную совместимость когнитивно-эволюционного подхода и пессимистического подхода к интересующим нас тенденциям утраты и обретения переходности продемонстрируем на примерах фрагментов статьи М. Н. Эпштейна [12].

3.1. Начнем с попыток интерпретации утраты переходности русскими глаголами.

В духе гипотезы лингвистической относительности М. Н. Эпштейн объясняет, как преобладающая в русской грамматике непереходность глаголов влияет на ментальность носителей русского языка: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению **непереходного мировоззрения**, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет. Действия, обозначенные непереходными глаголами, самодостаточны – они ни на что не переходят. *Быть, сидеть, спать, цвести, работать, бояться...* Скорее это даже не действия, а состояния, поскольку у них нет предмета, они замкнуты на самом деятеле. ... Непереходные глаголы не нуждаются в дополнении, они характеризуют лишь своего субъекта, который в данном случае лучше назвать “носителем”, поскольку сама категория субъекта соотносима только с категорией объекта. Человек – *носитель* рабочего или трудового состояния. Собственно *субъектом* он становится лишь тогда, когда совершает действие, переходящее на объект: *делает, производит, создает, совершает нечто*» [12]. Комментируя эти слова М. Н. Эпштейна, С. Л. Попов замечает: «Непереходность большинства русских глаголов естественно признать рудиментом того первобытного восприятия окружающего мира, в котором все происходит само собой, поскольку наделено мистической (то есть непознаваемой) силой, которой человек противостоять не в состоянии» [8:374]. Эта характеристика перекликается со словами самого М. Н. Эпштейна: «С точки зрения грамматики и логики языка, это языческий, мифический, мистический, отчасти даже сновидческий мир, в котором лица и вещи наделены самочинными свойствами и способностями, *не переходящими в дело*». М. Н. Эпштейн также полагает, что отсутствие

переходности глаголов является свидетельством неразвитости субъектно-объектных (имущественных) отношений: «Известно, что в европейских языках эти отношения выражаются переходной конструкцией: “я имею дом”; в русском – непереходной: “у меня есть дом”. Эта архаическая конструкция сохранилась в русском языке с индоевропейских времен в силу неразвитости имущественных отношений как в общественном бытии, так и в языке и сознании. Получается, что *субъектом* имущественного отношения выступает сам предмет, дом (он “есть”), а тот, кто им владеет, обозначается как косвенное дополнение (“у меня”). То же относится и к безличным конструкциям, столь распространенным в русском языке» [12]. С позиций пессимизма это нереализация возможностей: 1) переходности глаголов; 2) установления субъектно-объектных (имущественных) отношений; 3) развития связанных с ними когнитивных структур. С позиций когнитивно-эволюционного подхода отсутствие таких возможностей является результатом синкретизма и поверхностности восприятия, характерного для первобытного и феодального обществ.

3.2. Рассмотрим попытки интерпретации обретения переходности русскими глаголами.

«Переходность – не просто грамматическое свойство глаголов, это **мыслительная категория**, определяющая, насколько действие, обозначенное глаголом, переходит прямо на предмет» – пишет М. Н. Эпштейн и продолжает: «Переходность глагола – это, в самом общем виде, выражение семантики активного действия, преобразующего свой предмет. Расширение функций переходности в русском языке связано с усилением этого действенного начала и в глагольной системе, и в представлениях современного общества о роли субъекта и его взаимоотношениях с объектами действия. ... Это вопрос не только грамматики, но и развития концептуальной системы языка и выраженного в нем **общественного мирозерцания**. ... Ускорение мыслительных процессов в современном информационном обществе, стремление сразу обозначить результат действия – вот что лежит в основе транзитивации непереходных глаголов. Одним глаголом

обозначается и действие-результат, и действие-причина, которое к нему приводит» [12]. Затем автор, опираясь на приведенные им когнитивные аргументы, по сути призывает реанимировать и развивать переходность русских глаголов: «Однако у русской грамматики есть достаточный запас гибкости, чтобы вырвать свою глагольную систему из этого оцепенения непереходности, оживить каждый непереходный глагол его переходной функцией, переводящей действие от субъекта на объект. Это значит – одновременно и субъективизировать, и объективизировать систему глагольного мышления, внести в нее динамику разделения на субъект и объект и их свободного сочетания. Усиление функций переходности взорвало бы статический мир, где преобладают признаки, состояния и их носители и где недостает субъектов и объектов, а значит, и настоящих действий. Вот почему так важно развить категорию переходности в русском языке: чтобы мыслить мир не “происходящим”, не “получающимся”, а **делающим и делаемым**» [12]. С позиций пессимизма это появление возможностей: 1) переходности глаголов; 2) установления субъектно-объектных (имущественных) отношений; 3) развития связанных с ними когнитивных структур. С позиций когнитивно-эволюционного подхода появление таких возможностей является результатом альтернативности восприятия, не без исключений характерного для современных цивилизованных социумов.

3.3. Показанная совместимость подходов продемонстрирована на примере общих положений, которые служат идеологией дальнейших исследований. Совмещение когнитивно-эволюционного и пессимистического подходов в качестве единой методологической базы позволит объективировать, углубить и детализировать исследование утраты и обретения переходности русскими глаголами.

4. Принципиальную методологическую совместимость когнитивно-эволюционного и пессимистического подходов при изучении тенденций утраты и обретения переходности русскими глаголами можно считать вполне очевидной.

Литература

1. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. — М. : Учпедгиз, 1959. — 623 с.
2. Гильбурд А. М. О логико-философском и структурно-лингвистическом аспектах глагольной переходности / А. М. Гильбурд // Ученые записки Свердловского педагогического института и Тобольского педагогического института. — 1969. — Сб. 142. — С. 3–13.
3. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов / В. В. Иванов. — [2-е изд., испр. и доп.]. — М. : Просвещение, 1983. — 399 с.: ил.
4. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А. Е. Кибрик. — М. : Изд-во МГУ, 1992. — 336 с.
5. Кошелев А. Д. В поисках универсальной схемы развития / А. Д. Кошелев // Теория развития: Дифференциционно-интеграционная парадигма / [сост. Н. И. Чуприкова]. — М. : Языки славянских культур, 2009. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). — С. 57–77.
6. Меркулов И. П. Эволюционная эпистемология: проблемы, перспективы / И. П. Меркулов / РАН, Ин-т философии. — Т. 1. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2003. — 471 с.

7. Меркулов И. П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход) / И. П. Меркулов / РАН, Ин-т философии. — Т. 2. — СПб. : Изд-во РХГА, 2006. — 416 с.
8. Попов С. Л. Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект: Дис. ... докт. филол. наук / С. Л. Попов. — Харьков, 2015. — 453 с.
9. Попов С. Л. Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / С. Л. Попов. — Харьков: НТМТ, 2013. — 150 с.
10. Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма / [сост. Н. И. Чуприкова]. — М. : Языки славянских культур, 2009. — 224 с., ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
11. Тульчинский Г. Л. Возможное как сущее / Г. Л. Тульчинский // Эпштейн М. Н. Философия возможного. — СПб. : Алетей, 2001. — (Тела мысли). — С. 7–21.
12. Эпштейн М. Н. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество / М. Н. Эпштейн // Знамя. — 2007. — № 3. — Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/znamia/2007/3/ep18.html>.
13. Эпштейн М. Н. От знания — к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир / М. Н. Эпштейн. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 480 с. — (Серия Humanitas).
14. Эпштейн М. Н. Философия возможного / М. Н. Эпштейн. — СПб. : Алетей, 2001. — 334 с. — (Тела мысли).

УДК 398 = 161.2:811.161.2'38

Р. Л. Сердега

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Про зв'язок лінгвофольклористики з різними науковими дисциплінами

Сердега Р. Л. Про зв'язок лінгвофольклористики з різними науковими дисциплінами. У статті йдеться про відносно нову в україністиці галузь філологічного знання. Ця галузь вивчає мову фольклору. Завдяки влучно запропонованому О. Т. Хроленком термінові, її назвали лінгвофольклористикою. В статті ми намагаємося окреслити зв'язки лінгвофольклористики з різними науковими і навчальними дисциплінами (філологічними, суспільствознавчими і навіть природознавчими), наголошуємо на її міждисциплінарному статусі. Подальші перспективи нашого дослідження вбачаємо в підготовці навчального видання, яке б окреслило специфіку лінгвофольклористики як наукової та навчальної дисципліни і продемонструвало її зв'язки з різними галузями знання.

Ключові слова: лінгвофольклористика, гуманітарні науки, лінгвістика, мовознавчі науки, фольклористика, літературознавство, суспільствознавчі науки, історія народу, природознавчі науки.

Сердега Р. Л. О связи лингвофольклористики с разными научными дисциплинами. В статье речь идёт об относительно новой в украинистике отрасли филологического знания. Эта отрасль изучает язык фольклора. Благодаря метко предложенному А. Т. Хроленко термину, её назвали лингвофольклористикой. В статье мы пытаемся обрисовать связи лингвофольклористики с различными научными и учебными дисциплинами (филологическими, обществоведческими и даже естественнонаучными), подчеркиваем её междисциплинарный статус. Дальнейшие перспективы нашего исследования видим в подготовке учебного издания, которое б подчеркнуло специфику лингвофольклористики как научной и учебной дисциплины и продемонстрировало её связи с разными отраслями знания.

Ключевые слова: лингвофольклористика, гуманитарные науки, лингвистика, языковедческие науки, фольклористика, литературоведение, обществоведческие науки, история народа, естественные науки.

Serdega R. L. The Communication of a Folklore Linguistics with Different Scientific Disciplines. In this article we are talking about new studies in the linguistic industry knowledge. This branch of science is studying the folklore language. Due to the proposed A. T. Khrolenko term, it was called folklore linguistics. In the article we try to describe the communication of folklore linguistics with different scientific and educational disciplines (philology, social science and even natural science), emphasize its interdisciplinary status. The future prospects of our research we see in the preparation of academic publications. This publication will outline the specifics folklore linguistics as a scientific and academic discipline. It will show its relationship with different branches of knowledge.

Keywords: folklore linguistics, humanities, linguistics, linguistic sciences, folklore studies, literary studies, science of society, history of the people, natural sciences.

Сьогодні ми спостерігаємо як виділяється в окрему самостійну дослідницьку галузь і навчальну дисципліну лінгвістичний аспект дослідження фольклорних текстів. Відповідна наукова галузь, завдяки запропонованому О. Т. Хроленком термінові, була названа лінгвофольклористикою. В 1974 р. вийшли дві його публікації. Одна в збірнику наукових праць кафедри російської мови Курського державного педінституту — «Проблеми

лінгвофольклористики: К вопросу о комплексном подходе к изучению языка фольклора” [4], друга — «Что такое лингвофольклористика?» — в науково-популярному журналі «Русская речь» [5].

В Україні лінгвофольклористика поки що офіційно не включена до переліку спеціальностей, за якими проводиться захист дисертацій на здобуття наукових ступенів кандидата наук і доктора наук, присудження наукових ступенів і присвоєння вчених звань, хоча є спеціальність 10.01.07 — Фольклористика. Також у вищих